

УДК 321

Коньков А. Е.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

ЛАТЕНТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ: ПОДХОДЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Разработка подходов к выявлению и критическому осмыслению латентных механизмов в политических практиках современных государственных акторов.

Процедура и методы. Исследование базируется на общетеоретических методах познания, включающих институциональный, нормативный, компаративный методы экстраполяции и прогнозирования, а также на системном подходе и приёме включённого наблюдения.

Результаты. Сформулированы акторская, атрибутивная и инструментальная модели идентификации и интерпретации латентных механизмов государственной политики, а также ряд направлений интеграции публичных и латентных явлений в актуальном политическом дискурсе.

Теоретическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в развитие теорий принятия государственных решений и политической коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственная политика, публичная политика, публичная сфера, латентная сфера, латентные механизмы, латентность

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31194.

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Презумпция публичности в государственной политике](#)

[Модели идентификации латентных механизмов в политике](#)

[Интеграция латентных и публичных механизмов в реальных политических практиках](#)

[Заключение](#)

A. Konkov

Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation

LATENT MECHANISMS IN PUBLIC SPACE OF STATE POLICY: APPROACHES AND INTERPRETATIONS

ABSTRACT

Aim. To develop approaches to identify and critically evaluate latent mechanisms in political practices of modern public actors.

Methodology. The main methods of research are: institutional, normative, comparative analysis, extrapolating and predictive method, system approach, overt observation.

Results. Actor, attributive and instrumental models for identifying and interpreting latent mechanisms of public policy are defined as well as a range of directions for integrating public and latent phenomena in relevant political discourse.

Research implications. The research results contribute to the theory of public decision-making and political communication.

KEYWORDS

linguistic expertise, speech behavior, subtext, implicit information, explicit information state policy, public policy, public sphere, latent sphere, latent mechanisms, latency

ACKNOWLEDGMENTS

The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 21-011-31194.

ВВЕДЕНИЕ

Морфология политического процесса характеризуется сочетанием публичных и латентных форм активности государства и его стейкхолдеров, в чём проявляются и институциональные, и идейные, и коммуникационно-технологические особенности государственной политики. Несмотря на высокую, казалось бы, степень познаваемости публичной сферы и предсказуемую сложность исследования латентных форм, которые начали становиться предметом особого интереса учёных лишь в последнее время, нужно признать, что политика в целом всегда отличалась изменчивым балансом между обеими категориями.

С одной стороны, с древних времён существует представление о политике как об уделе избранных, а потому скрытом от чужих глаз, не ведомом рядовым обывателям [1, с. 148–165]. О происходящем во власти, о государственной политике в прежние эпохи люди могли узнавать либо из официальной информации, которую сама власть предоставляла, либо по косвенным сведениям, которые тем или иным образом просачивались за стены центров принятия решений (утечки, дезинформация, слухи и сплетни) или проявлялись в происходивших изменениях общественной среды (строительство инфраструктуры, реформы образования, обновление символов и др.).

Исследователи мира политического периодически обращались к метафоре чёрного ящика для характеристики политической системы в целом или её отдельных аспектов [9; 21; 25]. Следовательно, латентная сфера так или иначе всегда если не присутствовала, то подразумевалась в пространстве политических отношений – вне зависимости от того внимания, которое ей уделялось как акторами, так и наблюдателями.

С другой стороны, развитие публичной сферы государственной политики также, несмотря на многовековую эволюцию различных практик, получило значительный толчок именно в последнее с исторической точки зрения время – в условиях осмысления современной демократической модели. Предложенная Ю. Хабермасом делиберативная трактовка публичной сферы как пространства множественных свободных дискуссий [17], расширив и значительно масштабировав теорию коммуникации К. Дойча и Г. Лассуэлла, легла в основу ставшего доминирующим представления о политике в целом как о коммуникативном действии [10, с. 53–57] и, как следствие, о демократии в частности как о механизме поиска компромисса через общественное обсуждение плюральных взглядов на решение проблем [23].

Вместе с тем сам по себе коммуникационный фактор – лишь один из способов позиционирования публичной сферы, который индуцирует разную значимость имеющихся у неё аспектов. В частности, исследование разных национальных традиций концептуализации этого явления позволяет, как формулирует С. С. Бодрунова, отмечать «пространственную метафору», при которой акцентируется внимание не столько на действиях, которые формируют общественное мнение, сколько на публичной сфере как пространстве, где эти действия происходят [5, с. 112]. И это крайне значимо, поскольку публичность сама по себе – отдельный самостоятельный феномен для дискурсивных вариаций в политической сфере, и подходы к её пониманию часто определяются контекстом – идёт ли речь о публичной власти, публичной политике, публичном управлении или публичной дипломатии [11, с. 246–257; 14, с. 98–105; 18, с. 168–172].

Ключевой целевой проблемой, таким образом, становится не просто допущение и принятие скрытых, недоступных рациональному познанию форм и механизмов политического взаимодействия, но как минимум их размежевание с известным и осознаваемым – выделение подходов, которые позволяют различать публичное и латентное. Формируемые в такой логике модели могут обозначить и перспективные основания для когнитивного выражения недоступных пока для общественной рефлексии явлений государственной политики.

ПРЕЗУМПЦИЯ ПУБЛИЧНОСТИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

Если рассуждать о публичной сфере в широком смысле, этимологически она восходит к понятию «публика» – «некое множество людей» – и, по сути,

может отождествляться с обществом в целом – в его утилитарном понимании как совокупности индивидов, между которыми в процессе их совместной жизнедеятельности возникает взаимодействие, и это взаимодействие носит прямой и публичный характер. Такой подход к публичности сопровождает идеи Х. Арендт [7, с. 5], которая понимала под ней, во-первых, «что всё, являющееся перед всеобщностью, для всякого видно и гласно, так что его сопровождает максимальная открытость», и, во-вторых, «самый мир, насколько он у нас общий и как таковой отличается от всего, что нам приватно принадлежит» [3, с. 66, 69].

Широкое понимание публичного как совокупного, внеиндивидуального, единого для всех находит своё отражение в непрекращающемся философско-идеологическом поиске баланса между общим и частным [12, с. 125–129], коллективным и личным [8, с. 8–13], государственным и негосударственным [16, с. 27–47; 22]. В широком смысле публичная сфера, отличаясь всеобъемлемостью, выступает не просто пространством, где происходят любые социальные явления, но и фоном для каждого из них, определяющим их сущностные и процессуальные особенности. При этом наиболее выраженным, а сегодня и всё более концептуализирующимся, дифференцирующимся антиподом выступает сфера частная, приватная – та, которая формируется каждым индивидом самостоятельно и которую Х. Арендт противопоставляет публичной сфере [3, с. 69].

Развитие, насыщение, активное структурирование публичной сферы, обеспечивающие её всепоглощающую инклюзию, обуславливают ответное конструирование прежде слабо институализированных форм приватности. Процессы цифровизации, девальвирующие традиционную достаточность физических барьеров, обуславливают поиск новой нормальности для «огораживания» индивидуальных частных анклавов внутри тотально публичного пространства постмодерна [19, с. 213–216].

Со своей стороны информационно-коммуникационные связи формируют восприятие публичной сферы в узком смысле, которое сфокусировано уже не столько на пространстве как таковом, сколько на особом содержании возникающих в нём действий и отношений. Это модальности открытой, ничем не ограничиваемой коммуникации, в идеальном типе которой не возникает какого-либо экранирования коммуникационных потоков – они перемещаются свободно и разнонаправленно. Если же возникают отражающие барьеры, категория публичности начинает выхолащиваться – то, что Ю. Хабермас считает упадком публичной сферы, наблюдая его в коммерциализации информационной деятельности, обслуживании частных интересов, приводящих к «рефеодализации» отдельных сфер общественной жизни, подчинению механизмов всеобщей делиберативности отдельным корпоративным акторам [17]. Политическое как способность к агрегированию, кристаллизации подлинно социального подменяется «антиполитическим»

[26, р. 1–20] – некими сформированными навыками подмены реальных общественных интересов искусственно привнесёнными посторонними, частными установками.

Вот в этом «антиполитическом», скрываемом и артефактном, которое при детальном рассмотрении оказывается никаким не «анти» (манипулирование интересами явственнее индуцирует саму онтологию политики), в противовес публичной оформляется не столько приватная, но уже латентная сфера [15, с. 212–232], которая, с одной стороны, выступает её антиподом, но с другой – комплементирует поле политики, социальное пространство в целом, включающее равным образом и непубличные элементы [6].

Отстраивание обладающей особыми свойствами и функциями латентной сферы от публичной сферы в контексте механизмов государственной политики целесообразнее рассматривать в узком понимании публичной сферы, где речь идёт о категориях информационно-коммуникационного обмена между акторами, – в отличие от её широкой трактовки как среды общественной экзистенции, где, как уже отмечено, ей противостоит сфера приватная.

При широком понимании узлы дихотомии, различимой в узкой трактовке, всё более растворяются друг в друге, а вернее, латентное становится частью публичного: отдельные качества политических отношений находятся в общем периметре социального взаимодействия, которое носит общий для всех характер. Информации вокруг становится так много, что её динамика превращается в обыденность. Требуются особые механизмы привлечения внимания к тому, что хочется донести, и наоборот – для скрытия коммуникативного действия достаточно погрузить его в информационные шумы, которые современный человек всё более склонен отталкивать и игнорировать.

Презумпция публичности государства являет показательный системный архетип в рефлексии общества о власти: общественный договор предполагает любой государственный продукт как результат общей воли и, следовательно, формирует базовую лояльность по отношению к нему как форме публичного волеизъявления. Государство – если не эпицентр, то важнейший элемент публичной сферы, в котором могут соединяться совершенно любые неприватные интересы и инициативы: от формулирования принципов и рекомендаций для отдельных групп до строжайших императивов для всего социума. При этом имманентность государства публичной сфере дополняется спорадической апелляцией государства к сфере частных индивидов – и это заметная специфика динамики проблемного поля.

Во-первых, сама регулятивная деятельность затрагивает аспекты частного свойства – и если прежде закономерные дискуссии возникали относительно объективных явлений (собственность, статус, принадлежность к социальной группе), то по мере либерализации и, казалось бы, ослабления роли государства в жизни общества государство всё больше втягивается в

модерирование субъективных факторов индивидуальной жизни, таких как семья (браки и усыновление), здоровье (пропаганда здорового образа жизни, ограничительные меры в ходе эпидемий, эвтаназия), личность (хранение и обработка персональных данных). Во-вторых, само государство при определённых условиях может аффилироваться или напрямую атрибутироваться к конкретному частному индивиду – это происходит как в монархии, где конкретный индивид является легитимным сувереном, так и при особых персоналистских формах режимов¹.

Своеобразной квинтэссенцией публичности становится как раз модернизирующаяся государственная политика, которая, с одной стороны, перманентно вбирает в себя всё многообразие сфер, отраслей и предметов, в которых пересекаются всевозможные индивидуальные и групповые интересы, а с другой – сама по себе является сферой конкурентного взаимодействия различных акторов за контроль над ресурсами и возможностями реализации соответствующих интересов.

Экстенсивное (столкновение с новыми вызовами) и интенсивное (диверсификация традиционных проблемных сфер) развитие публичности трансформируется в результате государственной политики. Хотя в текущих условиях, возможно, уместнее говорить, что это госполитика сама трансформируется под воздействием развивающейся публичности: если повестка государства недостаточно гибка для отражения социальных запросов, в обществе возникают предпосылки для кризисных явлений, которые преодолеваются уже более чуткими к действительности конкурентами власти [20, р. 1170–1183]. Таким образом, экзистенциальными вопросами современного государства становятся компетенции опережающего реагирования, включающие не только умение контролировать перманентно подвижную повестку, но и способность канализировать развитие публичного дискурса, определяя для себя наиболее благоприятные пути отхода и сохранения периметра необходимой непубличной коммуникации [24, р. 275–293].

Будучи публичной в широком смысле по своей природе, т. е. неприватной, нечастной, апеллирующей к широкому кругу участников и направленной на решение множества задач, имеющих значение для всего общества, государственная политика, формируясь на основе инструментального многообразия, согласования плюральных групповых интересов, преломляется через деятельность официальных институтов, в конечном итоге её – политику – промульгирующих. При этом публичные процедуры характеризуют лишь часть процесса целеполагания и целедостижения – фундаментальное же звено заключено в латентном пространстве коммуникации стейкхолдеров.

¹ Причём это может иметь место как при недемократических, так и при формально демократических режимах. Конкуренция крупного бизнеса за влияние на власть иногда приводит к монополизации политических систем отдельными олигархами – как, например, ситуация «заваченного государства» в Молдове в 2010-е гг.

МОДЕЛИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛАТЕНТНЫХ МЕХАНИЗМОВ В ПОЛИТИКЕ

Если позитивная латентность является трудно уловимым феноменом в силу высокой зависимости от субъективных факторов индивидуального и группового акторства, то с высокой долей вероятности, подтверждаемой эмпирическими наблюдениями за политической повесткой, провоцирующей всё большее число интерпретаций, определённые маркеры латентных механизмов могут обнаруживаться на её периферии при принятии допущения об управляемом характере этой повестки. Иными словами, если результатом действия латентных механизмов является трансформация публичного пространства, ориентированная на реализацию определённых целей и интересов, то в процессе рационального достраивания функционально-технологической логики актуальных политико-управленческих явлений наблюдаемые расхождения между риторикой и принимаемыми и реализуемыми решениями могут служить основанием для верификации их латентных смыслов.

Выявление связей между различными признаками латентных механизмов, обнаруживаемых в публичном пространстве, и их последующая систематизация могут базироваться на различных моделях социально-когнитивного агрегирования множественных звеньев коммуникационных процессов, имеющих латентную природу и делающих её более явной.

Так, рассматривая практики волнообразных смен власти, происходящих в различных странах отдельных регионов по схожим методологическим лекалам («арабская весна», «цветные революции» и проч.), можно выявить сознательно проектируемые способы решения внешнеполитических интересов международных игроков. В том же русле движется и активно развиваемый сегодня инструмент частных военных компаний, позволяющих в том числе государственным структурам формировать собственную повестку за пределами своих границ, избегая сложившихся нормативных ограничений международного права.

Однако наиболее масштабные новации латентного свойства возникают в современных форматах цифровой среды, которая в условиях активного проникновения во все ключевые сферы социального взаимодействия и сохраняющегося наряду с этим дефицита адекватных методов регулирования позволяет политическим акторам не просто транслировать «месседжи» совершенно разного свойства, но и создавать принципиально новые элементы расширения властных механизмов – от контроля над содержательной повесткой социальных сетей до управления инструментами аккумуляции, хранения и использования больших данных, определяющих действенность сетевых алгоритмов. Такие явления, как обвинения в адрес хакеров различной национальной природы в осуществлении вмешательства в электронные процессы, равно как и последствия появления разного рода чувствительной информации в Wikileaks, Panama Papers, Pandora Papers и других

сетевых источниках, ставят вопросы не столько сохранности определённых данных, сколько управляемости того влияния, которое оказывает переход из латентной в публичную сферу.

В силу уникальной архитектуры соответствующих процессов, которая обусловлена субъективными характеристиками конкретных акторов, образующих скрытые сети, становящиеся объектом познания («опубличивания»), значимым основанием для классификации таких моделей может выступать, собственно, степень проникновения субъекта познания в сетевые конфигурации политических акторов.

Базовой может быть признана некая акторская модель, при которой субъектом познания выступает сам актор, а его опыт сетевого участия уже является источником знаний о функционировании латентных механизмов и потому обладает наиболее высоким уровнем искомой верифицируемости (достоверности). Формулируемое таким образом предметное поле и его наррация базируются на методе включённого наблюдения, позволяющего максимально последовательно и полно представлять не являющиеся публичными явления.

Вместе с тем, несмотря на прямое свидетельство устройства и функционирования латентных сетей в рамках акторской модели, говорить об абсолютной достоверности того знания, которое формируется на её основе, не всегда корректно. Спецификой непубличной сферы политики является её рассредоточенность между разными звеньями соответствующих сетей, а потому и интерпретация в каждом из них может выстраиваться по-разному. К тому же в основе размыкания закрытого коммуникационного контура одним из акторов могут оказываться совершенно разные мотивы, отнюдь не балансируемые какими-либо нормативными ограничениями.

Примерами акторской модели выступают аналитические концепции мемуарного характера, индуктивно масштабирующие уже завершённые конкретные политико-экспертные кейсы на широкое множество явлений изменчивой государственной политики («Великая шахматная доска» З. Бжезинского [4], «Минное поле политики» Е. М. Примакова [13] и т. п.).

Акторская модель принципиально отличается от других модальностей выявления латентных связей и механизмов в государственной политике, поскольку опирается на устойчивую позитивную логику между знанием и предшествующим ему опытом участия в соответствующих процессах познающего субъекта. Во всех остальных случаях информационная асимметрия между участниками отношений внутри латентных сетей и субъектами познания за их пределами представляет собой объективный методологический барьер, осложняющий как когнитивные возможности, так и инструментарий верификации потенциальных гипотез, имеющих «публичную» природу.

Внимание к специфике латентных механизмов, которая результируется в политике под влиянием индивидуальных свойств субъектов, образующих сети, формирует уже иную – атрибутивную модель, базирующуюся на ис-

следовании персоналий, вовлечённых в латентные контуры, и их влияния на принимаемые решения. Такого рода подход весьма распространён в общественно-политическом дискурсе и находит воплощение как в концептуализации неформальных институтов («Бильдербергский клуб», «Комитет 300», «Семья» Ельцина, «Политбюро 2.0»²), так и в разного рода рейтингах влияния («список Форбс», «Time 100», рейтинги российских губернаторов³).

Если же за основу понимания природы политической власти и, как следствие, её непосредственных результатов и последствий берётся трактовка особых свойств социальной системы, возникающих из соединения различных элементов, то и фокус внимания к латентным механизмам будет носить надперсонально-контекстуальный характер и выстраиваться через призму содержательных особенностей политики, проявляющихся в её объективных и поддающихся публичной оценке целях и результатах. Такого рода взгляд будет находить воплощение в рамках уже следующей – инструментальной модели, объектом рассмотрения которой становится сам характер непубличных способов и технологий оказания воздействия на социальные процессы.

Соответствующие примеры инструментального подхода в актуальном дискурсе также могут быть различны – в частности, он применим, если речь идёт о технократическом правлении (когда заданная сверху функция первична по отношению к социальному самочувствию), влиянии PR- и IT-специалистов (хакеров, «фабрик троллей» и проч.) или разного рода корпоративных лобби – всё это механизмы закрытых от публики воздействий. Выявление латентных сетей становится результатом более-менее гипотетического осмысления всего многообразия наблюдаемых событий или следствий государственной политики.

С учётом общего когнитивного разрыва, возникающего между участниками латентных сетей и познающим субъектом, важной особенностью знания, формируемого таким образом, может быть названо не только отсутствие прямой верифицируемости формируемых гипотез, но и его общая последующая индуктивная имплицитность – подразумевание наличия структур и связей там, где они публично не зафиксированы и не подтверждены самими акторами, но имеют признаки неявного устойчивого воздействия.

ИНТЕГРАЦИЯ ЛАТЕНТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ МЕХАНИЗМОВ В РЕАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ

Публичная сфера характеризует пространство существования гражданского общества, которому, как было отмечено, может противопоставляться

² См.: Коммуникационный холдинг «Минченко консалтинг» [Электронный ресурс]. URL: <https://minchenko.ru> (дата обращения: 30.04.2021).

³ См., напр.: Рейтинг политической выживаемости губернаторов России [Электронный ресурс]. URL: <https://fpp.spb.ru/rate17.php> (дата обращения: 30.04.2021).

сфера частная, приватная. Сегодня позиционирование последней становится всё более выпуклым за счёт подчас конъюнктурной ангажированности современной социально-политической рефлексией.

С другой стороны, публичную сферу можно трактовать и в более узком смысле – в том числе и как пространство ничем не ограниченной коммуникации с открытым доступом, без цензов и режимов конфиденциальности, видимое для всех потенциальных интересантов. В качестве антипода здесь будет выступать уже как раз латентная сфера, которая отличается теми или иными способами изолирования коммуникационных треков от неограниченного круга наблюдателей.

Латентная сфера также может трактоваться двояко. В узком смысле это пространство закрытого контура коммуникации, в который вовлечён чётко определённый набор субъектов (акторов). Строго говоря, такой формат не только совершенно не познаваем для внешнего наблюдателя (даже если возникают какие-либо косвенные признаки его существования, отсутствуют механизмы верификации), но и начисто лишён дискурсивной ценности – малейшая попытка его опредметить лишает самой сути латентности. Подобно тому, как всё нетайное трактовать как явное, нелатентное в этом смысле априори публично. В эпистемологическом отношении такую сферу лучше именовать закрытой, «вещью в себе», не поддающейся рациональному познанию.

Несмотря на различаемые исследователями скрытые и полускрытые явления, в полной мере к латентной сфере имеет смысл относить первые – понастоящему скрытые, поскольку полускрытые в равной степени могут рассматриваться и в контексте публичного дискурса, выступая определённым водоразделом, пограничной зоной между латентной и публичной сферами политики. Когда персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» Репетилов сообщает Чацкому: «У нас есть общество, и тайные собрания, // По четвергам. Секретнейший союз...», он размыкает коммуникационный контур и, следовательно, выводит соответствующие отношения из латентной сферы в менее ригидную публичную.

Узкая трактовка латентной сферы оставляет её terra incognita для общественно-политической рефлексии и предполагает значимость соответствующих элементов именно в контексте их закрытости от общественного сознания. Столь симулякральный подход, с одной стороны, обедняет рациональность соответствующей дифференциации, но с другой – позволяет расширять эмпирику политических мифов и конспирологических теорий.

Для актуального политологического знания более операбельным представляются широкое понимание латентной сферы и её рассмотрение через призму не столько скрытых, а потому достоверно неизвестных сетей, сколько полускрытых и спорадически визуализируемых неограниченным кругом лиц явлений, продуцируемых из закрытых коммуникационных контуров, но напря-

мую не детерминированных производящими их акторами. На смену «чёрным ящикам», которые представляют собой закрытые подсистемы реализации специально определённых функций, приходят ящики серые [2, с. 16–19], открыто визуализируемые и демонстрирующие процессуальную функциональность, однако не несущие в себе публичного смысла: публика не воспринимает ни целеполагания, ни целедостижения, ни характера отношений, ни объективно-го результата соответствующих политических явлений.

Иными словами, латентная сфера в широкой трактовке – это многообразие тех форм активности политических акторов в социуме, за которые они не несут публичной ответственности и не обязаны держать ответ перед гражданским обществом. Сюда могут относиться и действия внутри закрытых коммуникационных контуров, куда рядовые члены общества доступа не имеют, и действия в публичном поле, которые находятся вне зоны гражданского контроля. Последние могут становиться предметом рассмотрения и исследования в качестве проявлений латентных структур и механизмов, формируя базу для выявления закономерностей функционирования и развития соответствующей сферы отношений.

В контексте активного расширения публичной сферы – как экстенсивного в виде привлечения внимания к различным аспектам, например, частной жизни, так и интенсивного с повышением дискурсивной частоты посредством использования новых коммуникационных технологий – качество самой публичности перманентно трансформируется. В частности, насыщенность всевозможными разнонаправленными и разноскоростными каналами коммуникации в публичной сфере создаёт известный эффект «белого шума», когда происходящие вроде бы на виду явления не привлекают должного внимания. Тем самым, несмотря на присутствие в публичном поле, самого смысла публичности не возникает.

Показательный для российской политики пример произошёл в 2011 г., когда занимавшая на тот момент пост губернатора Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко выдвинулась и зарегистрировалась кандидатом в муниципальные депутаты в двух избирательных округах (это было необходимо для последующего делегирования в Совет Федерации) таким образом, что готовившиеся бросить ей вызов оппозиционные силы просто не успели отследить её выдвижение и не смогли составить конкуренцию: регистрация была уже закрыта. Всё происходило посредством предусмотренных законодательством публичных процедур, однако на фоне других подобных они оказались не замеченными заинтересованной частью самой публики⁴.

Публичная сфера дифференцирует свои возможности как объекта управления и с точки зрения использования публичной инфраструктуры для

⁴ Матвиенко выдвигается по «единороссовским» округам: справки // Regnum : [сайт]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1430729.html> (дата обращения: 30.04.2021).

функционирования латентных механизмов. Их включение в публичную сферу осуществляется по разным направлениям, обеспечивающим требуемую эффективность и обусловленным соответствующими свойствами актуального коммуникационного пространства. Среди таких направлений можно обозначить следующие:

1. модализацию – встраивание латентных структур в конструируемые вариативные (модальные) публичные дискурсы;
2. гибридизацию – задействование латентных механизмов в форме (под видом) публичных структур;
3. имплицитизацию – внедрение латентных механизмов в публичные модели общественных отношений.

Модализация возникает как следствие плюралистической структуры современной публичной сферы, в которой действует большое число участников, дискурсов и форм взаимодействия, и заключается в наличии многообразных инвариантных пространств отношений (модальностей публичности), концентрирующих в себе особые предметно-технологические практики. По сути, речь идёт о множественных протосообществах, коммуницирующих в соответствии с определёнными пространственно-временными нарративами.

Модализация публичности приводит к формированию и воспроизводству фейковых новостей, наполнение критической массы которых впоследствии способствует образованию множественных устойчивых коконов фейковой, виртуальной, не соответствующей фактическому состоянию реальности. Это пространство постправды и пранка, информационных войн и «потёмкинских деревень» постмодерна в виде различных социальных «плацебо» (как то: мультикультурализм, ответственность по защите, открытое правительство или суверенная демократия).

Гибридизация выражается в функционировании механизмов, латентных по сути, но публичных по форме, когда акторы лишь воспроизводят публичный дискурс, осуществляют подобающие действия и маркируют их общественно-значимыми приоритетами, но под их видом преследуют собственные корпоративные или личные интересы, не афишируемые для широкого круга участников. С одной стороны, это – весьма распространённая форма политической экзистенции, с другой – именно в условиях тотальной публичности и всеобщего контроля она приобретает системные характеристики, требующие особой латентной дисциплины, способной обеспечивать воспроизводство требуемого эффекта.

Гибридными в этом отношении современные институциональные реформы, которые постулируют повышение эффективности и качества управленческих процедур, однако преследуют политические цели более высокого порядка – сохранение устойчивости государственной власти, распределение административной ренты, борьбу с конкурирующими институтами и др.

Гибридные войны, которые ведутся как между конкурирующими группировками за власть (когда за системным поведением акторов в общих интересах скрывается стремление ослабить контрагента), так и между глобальными игроками за геополитическое влияние (когда в условиях незаконности войны противники прибегают к задействованию опосредованных (прокси) рычагов – частных военных компаний, масс-медиа, негосударственных акторов).

Имплицитизация – более сложный вектор присутствия латентных элементов в современной политике, представляющий собой их инкорпорирующее в публичные элементы, своеобразный симбиоз, смешение вплоть до степени неразличения, когда один и тот же механизм может выполнять разный функционал одновременно. Латентная природа такого механизма имплицитна, т. е. предполагается, подразумевается участниками связанных отношений. Все они декларируют одни цели реализуемой деятельности, однако подразумевают иные.

Имплицитны, в частности, социальные реформы с прямыми выплатами населению в преддверии выборов: граждане действительно получают живые деньги и готовы обеспечивать взамен искомый электоральный эффект, скрывать который уже особо и не требуется. Имплицитны публичная дипломатия и мягкая сила, которые в основе своей ориентированы на установление механизмов влияния на фоне публичных призывов к диалогу и знакомству с чужими ценностями. Имплицитно, по большому счёту, любое политическое действие, которое предполагает реализацию одних интересов в ущерб другим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Государственная политика представляет собой совокупность целесообразных (предполагающих целесообразность) действий политических акторов в публичной и латентной сферах. Это означает, что всё пространство социального взаимодействия можно подразделить на два метапространства – публичное и латентное, в рамках которых и между которыми осуществляются многообразные виды деятельности различных акторов. Те действия, которые являются политическими, в своей совокупности и образуют государственную политику.

Публичная и латентная политика – два идеальных типа государственной политики, ограничивающие с разных сторон континуум реального пространства её формирования и реализации. При этом если публичная политика – абсолютно познаваемая часть единого массива активностей политических субъектов, представленная в объективном отображении реальности, то латентная политика – полностью *terra incognita* для позитивно формирующегося знания. Она представляет собой совокупность субъективно кон-

струируемых акторами замкнутых коммуникационных контуров, скрытых от любого рода внешних наблюдателей.

Вместе с тем, наряду с идеальными типами, представляющими собой соответственно публичные механизмы для публичного результата и латентные механизмы для латентного результата, государственная политика включает и действия, осуществляемые одновременно в обеих метасферах или между ними: публичные механизмы для латентного результата и латентные механизмы для публичного результата. Эти явления, находясь внутри описанного континуума, представляют собой, с одной стороны, наиболее значимые в политическом смысле действия, которые, не будучи маргинальными, наполняют само содержимое реальной государственной активности и отражают поиск консенсуса между элитами и массами, а с другой – представляют и очевидную перспективу для научного познания и осмысления, глубоко проникшего в природу публичных политических феноменов, но по-прежнему испытывающего дефицит методологических возможностей для исследования латентной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Е. С., Сергеев В. М. Тёмный колодец власти (о границе между приватной сферой государства и приватной сферой личности) // Полис. Политические исследования. 2008. № 3. С. 148–165.
2. Антонова Г. М. Эволюция терминов “чёрный ящик” и “серый ящик” // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2012. № 1. С. 16–19.
3. Арендт Х. *Vita Activa, или О деятельной жизни* / пер. с нем., англ. В. В. Библихина. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
4. Бжезинский З. Великая шахматная доска / пер. О. Ю. Уральской. М.: Международные отношения, 1998. 280 с.
5. Бодрунова С. С. Концепции публичной сферы и медиакратическая теория: поиск точек соприкосновения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 1. С. 110–132.
6. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / сост., ред., пер. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2007. 567 с.
7. Козьякова М. И. Публичное пространство: культура репрезентации (начало) // Культура культуры : [сайт]. 2017. № 3. URL: <http://cult-cult.ru> (дата обращения: 25.04.2021).
8. Краузе А. А. Традиции и инновации в исследовании феноменов коллективного и индивидуального // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 8–13.
9. Курюкин А. Н. Публичный интерес, публичная политика и системная модернизация общества: российские проблемы // Власть. 2011. № 2. С. 166–173.

10. Линде А. Н. Значение коммуникативного подхода Ю. Хабермаса в развитии современной теории политической коммуникации // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 2. С. 53–57.
11. Меньшикова Г. А. Культура публичности как маркер демократичности современного общества и государства // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 208. С. 246–257.
12. Мрочко Л. В., Пирогов А. И. Информационные потребности и интересы личности: связь и соподчинение общего и частного // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2016. № 3. С. 125–129.
13. Примаков Е. М. Минное поле политики. М.: Молодая гвардия, 2019. 400 с.
14. Согомонян В. Э. К определению понятия «публичность власти» // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4. С. 98–105.
15. Соловьев А. И., Миллер Т. В. Латентная сфера политики: версия теоретической идентификации // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 63. URL: <http://e-journal.spa.msu.ru> (дата обращения: 30.04.2021).
16. Формирование гражданской ответственности в России: институциональный контекст / С. В. Патрушев, А. М. Кучинов, О. А. Мирясова, И. Л. Недяк, Т. В. Павлова, Л. Е. Филиппова // Социологическая наука и социальная практика. 2020. № 1. С. 27–47.
17. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследование относительно категории буржуазного общества / пер. с нем. В. В. Иванова. М.: Весь мир, 2016. 344 с.
18. Чургов С. В. Формирование и эволюция публичности (о книге Ю. Хабермаса) // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 168–172.
19. Шкудунова Ю. В. Общество, государство, индивид в публичной и приватной сферах // Вестник Омского университета. 2011. № 4. С. 213–216.
20. Dragu T., Fan X. An agenda-setting theory of electoral competition // The Journal of Politics. 2016. № 4. P. 1170–1183.
21. Easton D. A. Systems Analysis of Political Life. New York: Wiley, 1965. 507 p.
22. Gürbey G., Hofmann S., Seyder F. I. Between State and Non-State. New York: Palgrave Macmillan, 2017. 278 p.
23. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. 704 s.
24. Harder R. A., Sevenans J., Van Aelst P. Intermedia agenda setting in the social media age: How traditional players dominate the news agenda in election times // The International Journal of Press/Politics. 2017. № 3. P. 275–293.
25. Panayotou T. Demystifying the environmental Kuznets curve: turning a black box into a policy tool // Environment and development economics. 1997. № 4. P. 465–484.
26. The End of Politics? Explorations into Modern Antipolitics / ed. A. Schedler. London: Macmillan Press, 1997. 197 p.

REFERENCES

1. Alekseenkova E. S., Sergeev V. M. [The dark well of power (on the border between the private sphere of the state and the private sphere of the individual)]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2008, no. 3, pp. 148–165.
2. Antonova G. M. [Evolution of the terms “black box” and “gray box”]. In: *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta* [Herald of the Moscow university of finances and law MFUA], 2012, no. 1, pp. 16–19.
3. Arendt H. *Vita activa oder Vom tätigen Leben* (Rus. ed.: Bibikhin V. V., transl. *Vita Activa, ili O deyatel'noi zhizni*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2000. 437 p.).
4. Brzezinski Z. *The Grand Chessboard* (Rus. ed.: Uralskaya O. Yu., transl. *Velikaya shakhmatnaya doska*. Moscow, International relationships Publ., 1998. 280 p.).
5. Bodrunova S. S. [Public Sphere Concepts and Mediocratic Theory: Searching for Common Ground]. In: *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2011, no. 1, pp. 110–132.
6. Bourdieu P. *Espace social: champs et pratiques* (Rus. ed.: Shmatko N. A., comp., ed., transl. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2007. 567 p.).
7. Koz'yakova M. I. [Public space: culture of representation (beginning)]. In: *Kul'tura kul'tury* [Culture of Culture], 2017, no. 3. Available at: <http://cult-cult.ru> (accessed: 25.04.2021).
8. Krauze A. A. [Tradition and innovation in the study of the phenomena of the collective and the individual]. In: *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University], 2018, no. 2, pp. 8–13.
9. Kuryukin A. N. [Public interest, public policy and systemic modernization of society: Russian problems]. In: *Vlast'* [The Authority], 2011, no. 2, pp. 166–173.
10. Linde A. N. [The value of the communicative approach of J. Habermas in the development of the modern theory of political communication]. In: *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law], 2016, no. 2, pp. 53–57.
11. Men'shikova G. A. [The culture of publicity as the attribute of democracy in modern states and societies]. In: *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture], 2015, vol. 208, pp. 246–257.
12. Mrochko L. V., Pirogov A. I. [Information needs and personal interests: universals and particulars collateral subordination]. In: *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* [Economic and Social Research], 2016, no. 3 (11), pp. 125–129.
13. Primakov E. M. *Minnoe pole politiki* [Politics minefield]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2019. 400 p.

14. Sogomonyan V. E. [The definition of the notion of “publicity of authorities”]. In: *Vestnik MGIMO-universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2010, no. 4, pp. 98–105.
15. Solov'ev A. I., Miller T. V. [The latent sphere of politics: a version of theoretical identification]. In: *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* [Public administration. Electronic bulletin], 2017, no 63. Available at: <http://e-journal.spa.msu.ru> (accessed: 04.30.2021).
16. Patrushev S. V., Kuchinov A. M., Miryasova O. A., Nedyak I. L., Pavlova T. V., Filippova L. E. [Formation of Civic Responsibility in Russia: Institutional Context]. In: *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice], 2020, no. 1 (29), pp. 27–47.
17. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit; Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft (Rus. ed.: Ivanova V. V., transl. *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery. Issledovanie otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva*. Moscow, Ves' mir Publ., 2016. 344 p.).
18. Chugrov S. V. [Formation and evolution of publicity (about the book by J. Habermas)]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2017, no. 12, pp. 168–172.
19. Shkudunova Yu. V. [Society, state, individual in public and private spheres]. In: *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], 2011, no. 4, pp. 213–216.
20. Dragu T., Fan X. An agenda-setting theory of electoral competition. In: *The Journal of Politics*, 2016, no. 4, pp. 1170–1183.
21. Easton D. A. *Systems Analysis of Political Life*. New York, Wiley, 1965. 507 p.
22. Gürbey G., Hofmann S., Seyder F. I. *Between State and Non-State*. New York, Palgrave Macmillan, 2017. 278 p.
23. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1992. 704 p.
24. Harder R. A., Sevenans J., Van Aelst P. Intermedia agenda setting in the social media age: How traditional players dominate the news agenda in election times. In: *The International Journal of Press/Politics*, 2017, no. 3, pp. 275–293.
25. Panayotou T. Demystifying the environmental Kuznets curve: turning a black box into a policy tool. In: *Environment and development economics*, 1997, no. 4, pp. 465–484.
26. Schedler A., ed. *The End of Politics? Explorations into Modern Antipolitics*. London, Macmillan Press, 1997. 197 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 11.06.2021

Статья размещена на сайте: 24.10.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Коньков Александр Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: KonkovAE@spa.msu.ru

Alexander E. Konkov – Cand. Sci. (Political sciences), Assoc. Prof., Department of Political Analysis, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University; e-mail: KonkovAE@spa.msu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Коньков А. Е. Латентные механизмы в публичном пространстве государственной политики: подходы и интерпретации // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Konkov A. E. Latent mechanisms in public space of state policy: approaches and interpretations. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru